

УНИВЕРСИТЕТ — ГОСУДАРСТВО В МИНИАТЮРЕ

Андрей Ашкеров

АНДРЕЙ АШКЕРОВ — российский политический философ, публицист, руководитель образовательной программы «Философия политики и властных отношений» философского факультета МГУ, доктор философских наук. Автор ряда монографий, последняя из которых — «Экспертотократия: управление знаниями. Производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма» (М., 2009, издательство «Европа»)

РЖ *Уважаемый Андрей Юрьевич, как вы думаете, существует ли в России четко выраженное идеологическое позиционирование крупнейших национальных университетов?*

Каждый университет — государство в миниатюре. И если МГУ напоминает империю, присовокупляющую к себе новые домены, то, к примеру, Высшая школа экономики — это государство эпохи глобализма, мобильный анклав современности.

Идеологическая роль университетов сегодня обратно пропорциональна превращению высшего образования в институт сервиса, что стало одновре-

менно тенденцией и догмой постиндустриализма. Деполитизированное образование учит чему угодно, кроме политики как искусства определять себя, жить с другими и проявлять решимость в трудных ситуациях. К этой политике университеты имеют все меньшее отношение.

Россия в фарватере этих процессов. Наши идеологи могут гордиться: у нас одна из самых деполитизированных образовательных систем в мире. В России никогда не случится ничего подобного тому, что произошло в мае 1968 года во Франции или в 1989-м в Китае на площади Тяньаньмынь.

РЖ *Насколько изменились и изменились ли политические предпочтения и симпатии преподавателей и студенчества за последние годы?*

Студенты начиная с 1990-х годов были демонстративно аполитичны. Тоже своеобразная политическая стратегия — модно интересоваться только делами кампуса. Только в пределах кампуса вершится некое «общее дело», а возможно, и всемирная история.

Однако студенческая политика аполитичности, демонстративная разочарованность как в гражданском активизме, так и в официальной представительской политике несколько не

тика» входит в кампус без приглашения.

С одной стороны, она захватывает универсальный горизонт повседневности, монополизируя идеалы, мечты, общие принципы и право на надежду. С другой — исчезают мало-мальски профессиональные навыки гражданско-политической активности, уместные не только в горизонте общеполитических процессов, но при общении с административными органами самого университета. **Что касается преподавательского корпуса, то его деполитизация резко усилилась даже по сравнению с 90-ми годами.**

Преподаватели по большей части превратились в мелких служащих, единственной идеологией которых является методичное исполнение своих обязанностей. Это делает проблематичными, двусмысленными и даже несколько зазорными разговоры о политике, которые выходили бы за рамки бытового обсуждения (может обсуждаться семейный статус Путина, олимпийские неудачи и прочее).

РЖ *Может ли считаться соперничество МГУ и ГУ-ВШЭ отражением острой политической борьбы консервативного и либерального крыла российской власти?*

Модернизация должна касаться прежде всего самих модернизаторов. И сегодня вузы не столько локомотив, сколько объект модернизации

ограничивает возможности «реальной политики». Но когда разбираться в политике становится как-то даже «вульгарно», а само политическое знание несет черты недопустимой приземленности, «реальная поли-

Это такой политологический предрассудок: проецировать идеологические противостояния на любые формы отношений. В социально-политическом анализе более важно другое: как определенные отноше-

ния задают формы интерпретации идеологий. Не думаю, что есть какой-то специфический конфликт между МГУ и ГУ-ВШЭ, выходящий за рамки обычной соревновательности крупных вузов. Между МГУ и ВШЭ даже нет особенной разницы в управленческих стилях — в обоих случаях они удручающе министерские, со всеми атрибутами аппаратной иерархии и директивного управления.

Общая организационная атрибутика заставляет оба университета искать разные способы позиционирования на рынке, что в конечном счете может даже породить иллюзию идеологического противостояния. Но это только иллюзия, соответствующая общей маркетинговой стратегии двух вузов. При наличии некоторого воображения можно угадать в их способах позиционирования что-то от идеологии. Но это «что-то» будет относиться не к идеологиям в смысле XIX века, к которым привыкли апеллировать политологи, а к менеджменту и маркетингу брендов.

Бренд МГУ имеет большую и разную историю. А это неминуемо порождает множество вопросов. Например: как этой историей распоряжаются сегодня? Или: не оборачивается ли «соответствие традициям» дорогостоящей бутафорией? С какими тенденциями связана популяризация фигуры Шувалова вопреки фигуре Ломоносова?

В случае с ГУ-ВШЭ вопросов не меньше. До какой степени ангажированность современностью оборачивается погоней за административными ресурсами, обеспечиваемыми исполнительной властью? Почему концепция «догоняющей модернизации» приобрела в мировоззрении многих «вышкинских» специалистов статус религиозного вероучения?

РЖ Можно ли считать увеличение образовательного уровня населения России своего рода индикатором уровня модернизированности общества?

Самые плачевные последствия искусственного раздутого спроса на высшее образование, возникшего в 90-е годы, сказались на самих вузах: из-за этого спроса полностью закоснела их структура. **Университеты (не имеет значения — государственные или негосударственные) превратились в разновидность нефеодалной вотчины.**

С одной стороны, все покупается и продается (включая нередко оценки и дипломы). С другой стороны, преподаватели извлекают статусную ренту, а вузы в целом — ренту с бренда, а иногда даже и с земли, на которой расположены. Это нужно хорошо помнить тем, кто в духе «блаженных нулевых» пытается лечить все проблемы деньгами, не понимая, что **модернизация должна касаться прежде всего самих модернизаторов.** И сегодня вузы не столько локомотив, сколько объект модернизации. Без их трансформации невозможно не только продвинуть, но даже начать модернизационный процесс. ■

Беседовал Борис Межуев

ИРАНСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ ПРИНЯЛИ ПРАВИЛА ИГРЫ ВЛАСТИ

ХУСЕЙН АХМАДИ — иранский политолог, советник президента Ирана, профессор Тегеранского университета Азади, ведущий иранский эксперт по России и постсоветскому пространству
Специально для РЖ

С развитием капиталистических отношений в европейских университетах начинают преобладать утилитаристские тенденции. Преимущество теологических учебных заведений заключалось в том, что в них прежде всего учили осмыслению религиозных канонов. Сегодняшние же университеты, говоря словами Хайдеггера, вместо того, чтобы научить студента мыслить, дают накопление знания.

Когда речь заходит о рекрутировании новых элит, то университеты перестают быть кузницей кадров для политического класса.

Что касается концептуализации политики, то в Иране университетская профессура органично вплетена в процесс принятия политических и экономических решений. «Мозговые центры» вплетены в государственные институты. При этом **есть жесткая конкуренция идей**, выдвигаемых учеными, представляющими разные точки зрения. **Именно ученые помогают прорабатывать решения, определять повестку развития страны.**

Не думаю, что есть какой-то диссонанс между симпатиями университетской аудитории и доминирующими в обществе тенденциями. Можно сказать, что университетская молодежь, как и все остальное население,

принимает правила игры, предложенные властными структурами. Были попытки дестабилизировать Иран с помощью управляемого протеста. Они провалились.

По меркам западных традиций Нового времени университеты начала XXI века можно рассматривать как нисходящую силу. Раньше университеты были сильно политизированы, поскольку отсутствовало само понятие поляриности: не было ни многополярного, как несколько десятилетий назад, ни однополярного, как сейчас, мира. Быстро меняющийся мир предлагает молодежи досуг, развлечения, которых раньше не было. В этих условиях, которые некоторые поспешили назвать «управляемой демократией», для молодежи в политике не остается ни места, ни дела.

Что касается Ирана, то страна продолжит путь реформ, отвечающих надеждам и чаяниям большинства населения. **От остального мира Иран будет заимствовать только позитивное, не идущее вразрез с ценностями исламской демократии.** В стране есть внутренние резервы для процветания, которые пока не задействованы. **Иран имеет все шансы превратиться в передовую демократию, какую еще не знала история человечества.** ■